

Священник Роман (Руслан) Савчук

Идеологические аспекты осмысления украинской церковной истории в материалах Научного конгресса Тысячелетия Крещения Руси-Украины (Мюнхен, апрель-май 1988 г.)

DOI 10.47132/1814-5574_2020_6_174

Аннотация: В статье проанализированы идеологические основания взглядов исследователей из украинской диаспоры на церковную историю Юго-Западной Руси, которые нашли отражение в материалах Научного конгресса Тысячелетия Крещения Руси-Украины, состоявшегося в конце апреля — начале мая 1988 г. в Мюнхене. Материалы Конгресса стали своеобразным итогом развития церковной историографии диаспоры и имели большое значение для формирования мировоззрения ученых Украины в условиях падения идеологического барьера и становления независимого государства. Прежде всего, автор обращает внимание на попытки укоренить присутствие латинской традиции в начальной истории христианства на Юго-Западной Руси. В этом контексте характерным является акцент на толерантность и преодоление конфессиональных границ ради народного блага и национальной идеи. Сакрализация народной жизни и упор на национальную идею обесценивают в глазах историков диаспоры сакральное пространство Церкви. Церковь превращается в «духовную собственность народа». Автор также обращает внимание на особенности методологии, которой пользовались историки украинской диаспоры при оценке исторических фактов.

Ключевые слова: Научный конгресс Тысячелетия Крещения Руси-Украины, украинская диаспора, национализм, церковная история, историография.

Об авторе: **священник Роман (Руслан) Александрович Савчук**

Кандидат богословия, PhD, научный рецензент Издательского совета Русской Православной Церкви.

E-mail: russ_sav@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9917-2413>

Ссылка на статью: Савчук Р. А., *свящ.* Идеологические аспекты осмысления украинской церковной истории в материалах Научного конгресса Тысячелетия крещения Руси-Украины (Мюнхен, апрель-май 1988 г.) // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 174–185.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 6

2020

Priest Roman (Ruslan) Savchuk

**Ideological Aspects of Understanding
Ukrainian Church History
in the Materials of the Scientific Congress
of the Millennium of the Baptism of Rus-Ukraine
(Munich, April–May 1988)**

DOI 10.47132/1814-5574_2020_6_174

Abstract: The article analyzes the ideological foundations of the views of researchers from the Ukrainian diaspora on the church history of South-Western Rus, which were reflected in the materials of the Scientific Congress of the Millennium of the Baptism of Rus-Ukraine, held in late April–early May 1988 in Munich. The materials of the Congress became a kind of result of the development of church historiography of the diaspora and were of great importance for the formation of the worldview of Ukrainian scholars in the context of the fall of the ideological barrier and the formation of an independent state. First of all, the author draws attention to attempts to root the presence of the Latin tradition in the early history of Christianity in Southwest Rus. In this context, the emphasis on tolerance and overcoming confessional boundaries for the sake of the people's good and the national idea is characteristic. The sacralization of popular life and the emphasis on the national idea devalue the sacred space of the Church in the eyes of historians of the diaspora. The church turns into “the spiritual property of the people”. The author also draws attention to the peculiarities of the methodology used by the historians of the Ukrainian diaspora when assessing historical facts.

Keywords: Scientific Congress of the Millennium of the Baptism of Rus-Ukraine, Ukrainian Diaspora, nationalism, Church history, historiography.

About the author: **Priest Roman (Ruslan) Alexandrovich Savchuk**

Candidate of Theology, PhD, Scientific Reviewer of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church.

E-mail: russ_sav@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9917-2413>

Article link: Savchuk R. A., priest. Ideological Aspects of Understanding Ukrainian Church History in the Materials of the Scientific Congress of the Millennium of the Baptism of Rus-Ukraine (Munich, April–May 1988). *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 6, pp. 174–185.

Введение

Тысячелетие Крещения Руси, которое праздновалось в 1988 г., среди украинской диаспоры воспринималось как событие особого исторического значения. Президент Мирового конгресса свободных украинцев Петр Саварин отмечал в то время, что «Тысячелетие Крещения Руси-Украины это действительно до сих пор самое значительное событие в истории нашего народа» [Саварин, 1986, 5]. Особое место в торжественных мероприятиях, которые представители украинской диаспоры организовали по всему миру, заняли научные форумы и конференции. Один из активных участников этих мероприятий писал, что «юбилейные празднования... построили мощный научный монумент, который подтвердил украинскую традиционную духовность и определил перспективы и направления на грядущее второе тысячелетие» [Баран, Герус, 1991, IX].

Одним из центральных событий в научной жизни украинской диаспоры стал созыв Научного конгресса Тысячелетия Крещения Руси-Украины. 13 мая 1984 г. в Мюнхене был подписан Акт учреждения Комитета для проведения Научного конгресса Тысячелетия Крещения Руси-Украины (1988–1988) (Акт, 1989). Комитет декларировал себя как «свободное объединение украинских научно-исследовательских и научно-учебных учреждений». Всего удалось объединить двадцать восемь учреждений из разных стран Европы и Америки. По словам организаторов, Конгресс представлял из себя «совместный межинституционный и межконфессиональный соборный научно-исследовательский акт для декларирования нашего единства перед лицом Тысячелетия Крещения, задокументированный исследованиями и публикациями» (Правильник, 1989). В рамках подготовки к Конгрессу было проведено три научные конференции и два тематических симпозиума. Собственно, Научный конгресс Тысячелетия Крещения Руси-Украины проходил в конце апреля – начале мая 1988 г. в Мюнхене. За это время было проведено четырнадцать сессий. Мероприятие, по словам его председателя доктора Владимира Янива, было запланировано «как символ национального и церковного единства и как указатель для будущего» [Янів, 1989б, 907]. Среди представителей диаспоры Конгресс именовали «Собором украинской науки в эмиграции» [Жуковский, 1993, 144].

Исходя из масштаба проведенных мероприятий и уровня представительства можно утверждать, что материалы Конгресса действительно стали неким итогом развития церковной историографии украинской диаспоры. Их публикация в преддверии распада Советского Союза имела большое значение для формирования мировоззрения ученых Украины в условиях падения идеологического барьера и становления независимого государства. Так, в обзоре сборника материалов Конгресса, который был напечатан в двенадцатом номере за 1991 г. главного исторического журнала Украины – «Украинском историческом журнале», В. Рычка отмечал перспективу публикации отдельных материалов на страницах ведущих научных изданий Украины, говорил о необходимости их анализа, широкого обсуждения и подчеркивал, что эти материалы «являются значительным вкладом в национальную сокровищницу научных знаний об историческом прошлом Украины» [Ричка, 1991, 151]. В условиях жесткой цензуры относительно церковной тематики в самой Украине, в новых условиях материалы Конгресса были восприняты как действительно национальное прочтение украинской истории и, таким образом, положили начало формированию новых подходов в украинской историографии Церкви.

Первые попытки осмыслить доклады, озвученные на Конгрессе, начались практически сразу после его завершения. Так, представитель диаспоры Аркадий Жуковский в своем обзоре итогов празднования тысячелетия Крещения «Руси-Украины» прежде всего указывал на особое значение такого масштабного собрания украинских ученых диаспоры. По его мнению, в материалах Конгресса «испытано практическую соборность, своеобразный украинский экуменизм». В то же время уже А. Жуковский отмечал, что среди докладчиков было мало узких специалистов по средневековой истории и собственно истории Церкви, что сказалось на уровне некоторых докладов

[Жуковский, 1993, 144]. В первом номере исторического журнала диаспоры «Украинский историк» за 1989 г. был опубликован достаточно пространственный обзор Конгресса и представленных докладов, сделанный А. Домбровским. Автор отмечал широту озвученных тем и новизну многих идей. Главной идеей всех докладов А. Домбровский считал идею «представить борьбу украинской духовности и церковью за сохранение многовековых, традиционных черт христианско-национального лица в условиях свободного, всестороннего развития, возможного только в рамках собственного государственного существования» [Домбровский, 1989, 68–69]. В цитированном выше кратком обзоре материалов Конгресса, опубликованном в «Украинском историческом журнале», В. Рычка весьма положительно оценивал уровень данных материалов и прежде всего обращал внимание на оригинальность многих идей докладчиков [Рычка, 1991]. Только в общем контексте историографического обзора о значительном влиянии на развитие исторической науки в Украине научных изданий диаспоры, посвященных тысячелетию Крещения Руси, говорят в своих историографических исследованиях Я. Калакура [Калакура, 2004, 397] и В. Ластовский [Ластовский, 2008, 107]. О. Дроконова, не касаясь непосредственно анализа материалов Конгресса, в общем контексте указывает, что «тысячелетие Крещения Руси было использовано авторами украинской „истории на экспорт“ для закрепления в обывательском сознании связи Украины с событиями тысячелетней давности» [Дроконова, 2017, 94].

Экуменический аспект

Собственно, «Юбилейный сборник трудов Научного Конгресса в 1000-летие Крещения Руси-Украины» представляет собой достаточно объемный, в тысячу страниц, том. Он вышел в свет в Мюнхене в 1989 г. Помимо нескольких десятков докладов сюда вошли также разнообразные приветствия, документы и программы научных мероприятий.

Открывает серию докладов, опубликованных в сборнике, статья двух католических священников — Исидора Патрило и Бориса И. Балика «Христианские черты кн. Владимира Великого». Пожалуй, самые интересные мысли данного доклада с точки зрения его идейной направленности вписываются авторами в контекст анализа западных источников по истории княжения Владимира Великого. Завершая обзор характеристики князя в хронике Титмара Мерзебургского, докладчики подчеркивают, что «достойное внимания еще утверждение Титмара, что кн. Владимир принял „веру святого христианства“, хотя он был крещен в восточном обряде». Такое уважение к вере князя, крещенного в восточном обряде, по мнению авторов, свидетельствует о несостоятельности «предположения некоторых историков» о том, что равноапостольный Владимир жестоко поступил с западным епископом Райберном из-за враждебности к Латинской Церкви [Патрило, Балик, 1989, 19]. Подобного плана утверждения встречаем и в анализе другого западного источника — письма епископа Бруно из Кверфурта. Авторы обращают внимание на то, что равноапостольный Владимир сам «отправил» к половцам поставленного епископом Бруно нового латинского миссионера, тем самым, по их мнению, взяв на себя его содержание. Далее докладчики подчеркивают особую заботу, которую проявил киевский князь к западному епископу именно как к проповеднику. Данный факт, по их утверждению, свидетельствует о том, что равноапостольный Владимир к Латинской Церкви «относился не с антагонизмом более поздних времен, а с такой же искренностью, как к своей» [Патрило, Балик, 1989, 22]. В целом, равноапостольный Владимир в докладе, безусловно, идеализируется. Авторы изображают его идеальным христианским правителем, и в этот образ совершенно отчетливо вписан «универсальный» характер его возвышенной веры — для князя нет разницы между восточной и западной традициями, Латинская Церковь для него представлена также родной.

Обоснованию мысли о древнем присутствии западной христианской традиции на современных украинских землях посвящен доклад католического

священника Петра Б. Т. Биланюка из Торонто «Апостольское происхождение Украинской Церкви». Автор приводит свидетельства не только отечественных летописей, но и римских авторов, апологетов и учителей Церкви, церковных историков, которые говорят о проповеди Евангелия в греческих колониях Северного Причерноморья, а также распространении христианства среди скифов, готов и других племен. Все эти сведения о П. Биланюк интерпретирует как свидетельства о зарождении апостольской Церкви на современных украинских землях. При этом римской линии в христианизации местного населения уделяется особое место. Так, священномученик Климент Римский, по мнению автора, «нет сомнения, что не тратил время зря, а проповедовал Христа на современных украинских землях». «Поэтому мы, наверно, единственная страна, которая имела Вселенского Архиерея (Римского папу. — *свящ. Р. С.*) в качестве миссионера на наших родных землях» [Биланюк, 1989, 66]. В итоге, «когда св. Ольга воссела на Киевском княжеском престоле, ей пришлось управлять империей, которая была уже сильно христианизированной». А равноапостольный князь Владимир «принял христианство не из Болгарии и не из Византии или Греции, или какой-нибудь другой страны, а все-таки из давней Руси, в которой жило непрерывно апостольское предание, установленное св. апостолом Первозванным и усиленное многими миссионерами, среди которых виднелись два римских папы — св. Климент и св. Мартин I» [Биланюк, 1989, 69]. Наконец, подытоживая, автор указывает, что «современная Украинская Церковь — это Церковь апостольского происхождения». А поскольку наиболее сильную и непрерывную апостольскую традицию, по мнению о. П. Биланюка, можно найти именно в Риме как месте казни первоверховных апостолов и имперской столице, то «римская апостольская традиция запечатлена в Руси-Украине намного сильнее, чем традиция св. Андрея Первозванного» [Биланюк, 1989, 70]. Остается лишь отметить, что публикация в целом характеризуется абсолютно свободным подходом в интерпретации исторических источников. Автор просто влетает отдельные факты в нужную идеологическую канву, бесосновательно смешивая историко-географическую и историко-этнографическую терминологию совершенно разных эпох.

Мотивы оправдания присутствия латинской традиции на территории Юго-Западной Руси встречаются и в других статьях, посвященных древнерусскому периоду церковной истории. Так, В. Косик утверждает, что «за все время своего существования Киев не вел войны с государствами Западной Европы» и принятие христианства «сблизило Киевское государство с государствами Центральной и Западной Европы» [Косик, 1989, 50, 47]. Н. Богатюк заявляет, что священнослужители из Восточной Болгарии, которые нередко приезжали в Киевские земли после крещения Руси, распространяли здесь весьма положительное восприятие Римского престола, который в это время помогал болгарам. Эти взгляды на Рим, по мнению автора, были иными, нежели «односторонние оценки», записанные в Повести временных лет [Богатюк, 1989, 116]. При этом автор, имея в виду особенности менталитета жителей Южной Руси, указывает на «большую религиозную толерантность и человечность, которые были неизвестны ни в Восточной, ни в Западной Церквях» [Богатюк, 1989, 127].

Достаточно интересным с идейной точки зрения выглядит доклад протоиерея Украинской греко-православной церкви в Канаде Олега Кравченко «Полемическая литература предунийного периода: события, проблемы, идеи (Православная перспектива)». Автор останавливается на общем историческом контексте перед Брестской унией и характеризует деятельность отдельных православных полемистов, не сглаживая остроту их борьбы с западной традицией как в религиозном, так и в социальном и национальном контекстах [Кравченко, 1989, 154–177]. Как же в таком случае сочетать историческую правду о жестком неприятии населением унии с новым идеологическим портретом «настоящего украинства», сформированным в диаспоре, с акцентом на греко-католическую или же лояльную к унии, гипертолерантную «православную» традицию? Автор, предложив столь ясную характеристику унии как исторического предательства народа в религиозном, культурном,

социальном и национальном плане, не мог не задаться этим вопросом. Ответ он предлагает в заключении: «В завершение, признавая безусловное историческое значение этой литературы, не стоит забывать, что она была все же порождением конкретных, специфических условий и обстоятельств. А поэтому даже и те главные вопросы богословского характера, которые и сегодня не потеряли своей актуальности, неуместно было бы рассматривать с точки зрения религиозной полемики XVI ст. К ним стоило бы вернуться, но, очевидно, с другой перспективы и в другом, не полемическом духе» [Кравченко, 1989, 169].

Тему полемической литературы продолжает Владимир Жила в статье «Национально-религиозные особенности католической полемической литературы в Украине конца XVI — начала XVII ст.». Автор с большим уважением и даже восхищением говорит о тех, кто встал на защиту унии. Он считает, что эти люди «в тяжелый час встали на защиту национально-религиозных прав украинского народа». Доклад наполнен психологизмом и личностными оценками. Один из вдохновителей унии Ипатий Потий, по мнению В. Жилы, был «действительно идейным человеком», искренне и самоотверженно шедшим к унии. Он «отказался от государственной карьеры, от личной жизни, претерпел материально-экономические потери, чтобы стать православным епископом в чрезвычайно сложное время. Потий сделал это, — утверждает автор, — потому что его вели туда глубокие убеждения — в трудный час встать на защиту национально-религиозных прав украинского народа» [Жила, 1989, 188–189]. Однако представленный образ не согласуется с историческим портретом Потия. Трудно сказать, что последний отказался от личной жизни. Потий принял монашество уже после смерти супруги, с которой они прожили в браке не один год и имели по крайней мере шестерых детей. К тому же он принимал монашество не с целью избрать удел простого инока, а для того, чтобы стать епископом — очевидно, не самым бедствующим и униженным лицом даже в то время. Следует отметить и тот факт, что сам народ, по всей видимости, не понял смысла защиты его национально-религиозных прав униатами, поскольку бесспорным остается то, что в дальнейшем все народно-освободительные восстания одним из первых выдвигали требование упразднения унии. Однако автор не акцентирует на этом внимание. Вместо объективного исследования он предлагает подмену в виде лирическо-психологического описания надежд и переживаний творцов унии. Кроме искренности намерений проводников унии автор выделяет еще один важный оправдательный мотив их действий — поиск общественного консенсуса и возвышение над религиозными различиями во имя народного блага, о котором начали активно проповедовать защитники унии. С особой эмоциональностью и возвышенной вдохновенностью В. Жила говорит об этой идее, анализируя деятельность Мелетия (Смотрицкого), который, «как человек большого ума и широкого опыта... уже тогда считал, что не вера делает украинца украинцем, а кровь, происхождение, этническая принадлежность» [Кравченко, 1989, 195].

Аркадий Жуковский в статье «Попытка соединения Церквей в XVII ст.» сосредотачивает внимание на личности митрополита Петра (Могилы). Последний, по мнению автора, осознавал трагедию «разделения Украинской Церкви», которая произошла в 1596 г., и «на протяжении всей жизни делал попытки сближения, а в будущем и соединения с другими христианскими Церквями» [Жуковский, 1989, 208–209]. «Как хороший дипломат», митрополит Петр осознавал, что договариваться могут только равные стороны, именно поэтому, как утверждает А. Жуковский, он укреплял Церковь и с внешних, и с внутренних позиций. Благодаря такой широкой деятельности не только православные, но и униаты стали видеть в нем «единственного кандидата на украинского патриарха». В дальнейшем повествовании автор анализирует приписываемые митрополиту Петру (Могиле) документы 1640-х гг. из архива Ватикана, в которых идет речь о возможных проектах новой унии Киевской митрополии с Римом. Центральная идея этого анализа заключается в том, что православная сторона была готова на унию как «соединение», но не желала при этом «слития», «унификации». То есть главным требованием со стороны православных были не вопросы

догматического характера, формулы примирения которых были найдены, а именно сохранение самобытности, «своего лица» и независимости [Жуковский, 1989, 213–217]. Наконец, исходя из анализа внутренних мотивов, которые побуждали искать единения униатов и православных, А. Жуковский приходит к убеждению, что «потребность взаимопонимания и внутреннего религиозного единства была императивной именно для украинцев» [Жуковский, 1989, 219]. Иными словами, для автора единение вопреки вероучительным различиям было и остается важным фактором национального самосохранения.

Статья Александра Барана посвящена анализу попыток заключения унии с Римом в Киевской митрополии до и после Брестской унии 1596 г. Рассматривая Флорентийскую унию, автор отмечает, что митрополит Исидор, возвращаясь из Флоренции, в мае 1440 г. во Львове провозгласил унию, которая «была положительно принята, как с украинской стороны, так и со стороны польского королевства» [Баран, 1989, 239]. Почему же в конечном итоге Флорентийская уния не утвердилась на Украине? А. Баран делает интересный вывод: причина этого заключалась в идейной парадигме мышления церковной общности Киевской митрополии — иерархия, духовенство, активные миряне здесь мыслили себя в контексте восточно-христианского универсализма частью некоей вселенской православной общности. А поскольку уния не утвердилась ни в одной Поместной православной Церкви, то и в Киеве ее не приняли, хотя здесь она обещала конкретные социальные блага. Ситуация изменяется после падения Константинополя, когда Вселенский патриарх становится подданным османских правителей, а в Москве развивается теория «Москва — Третий Рим». Это приводит к падению идеи вселенской православной общности, и отныне «Киевской митрополии не с кем объединяться», она остается один на один с историческими обстоятельствами [Баран, 1989, 240]. Далее автор пытается проследить развитие идеи вселенской общности среди интеллектуалов Киевской митрополии. А. Баран утверждает, что попытки православных и униатских иерархов прийти к новой унии в 1620–30-е годы пронизаны все той же идеей вселенского единения. «Кое-кто, — пишет автор, — мог бы сегодня задать такой вопрос: Где же „всемирность“ в отдельных переговорах между католиками и православными Киевской митрополии? Ответ на этот вопрос не является трудным. Если мы посмотрим про-католические произведения Мелетия (Смотрицкого), то увидим, что авторы и идеологи объединительных переговоров с обеих сторон верили, что они строят мосты между всем православным Востоком и католическим Западом. Их целью не была новая „партикулярная“ уния, а создание такой формулы объединения, которую каждый православный и каждый католик мог бы принять» [Баран, 1989, 247]. Особо подчеркивается и то обстоятельство, что реализация этой идеи у представителей как православных, так и униатов мыслилась в тесной связи с созданием Киевского патриархата. Наконец, после рассмотрения всех попыток новой унии, автор подытоживает, что, невзирая на их срыв, все же для украинского народа был создан «бессмертный идеал, который столетиями откладывается нерешенным и который никогда не умирает и во время кризиса всегда возвращается к совести верующих людей. Он является также мечтой — такой же, как достижение самостоятельной жизни украинского народа» [Баран, 1989, 262–263].

София Сеник в публикации «Латинизация в Украинской Католической Церкви» касается вопроса латинских заимствований в униатской и православной среде. Автор утверждает, что латинизация среди униатов представляла собой не целенаправленную политику иерархии, но явилась следствием естественного процесса развития культуры, образования и богословской науки, которые тогда были связаны с иезуитской образовательной системой и латынью как языком науки. Обучение в западных школах и на западный манер формировало определенную ментальность среди образованного духовенства греко-католиков [Сеник, 1989, 272]. Для первых же униатских епископов объединение с Римом мыслилось единственным способом спасти «русскую веру» от неминуемой гибели. Однако уже через пятьдесят лет после унии,

особенно со времен войны Богдана Хмельницкого, подобные взгляды среди униатских иерархов отходят на второй план. Латинская культура, богословие, обряды все чаще воспринимаются как образец. Латинизация проникала и естественным путем, когда латинские практики вводились ктиторами и даже народом. В конечном итоге автор утверждает, что по сути своей «латинизация» в Украинской греко-католической церкви представляет собой не что иное, как местные особенности обряда и ментальности, которые не стоит воспринимать скептически [Баран, 1989, 284].

Небезынтересна публикация Владимира Домашовца «Украинское баптистское движение». В контексте темы восприятия Православной Церкви в среде украинской эмиграции можно выделить несколько важных идей данной статьи. Во-первых, авторы связывают появление баптистского движения с внутренними проблемами Русской Православной Церкви и неспособностью дать пример живой веры среди православного духовенства [Домашовець, 1989, 305–306]. Во-вторых, интересны попытки укоренить сектантское движение в украинской истории, представив его неким итогом развития национальной религиозно-философской мысли и просветительского общественного движения. Так, первым ярким представителем своего движения В. Домашовец считает Григория Сковороду, начинания которого продолжали уже в XIX в. другие видные общественные деятели, писатели, труды которых были связаны с переводами и распространением Библии [Домашовець, 1989, 303–305]. При этом, конечно же, никакого отношения к сектантскому движению «штундизма», возникшему во второй половине XIX в., они не имели. Однако автор, манипулируя их просветительскими целями, вплетает этих деятелей в историческую канву своего движения.

Идею о том, что сектантское движение является логическим развитием украинской национальной духовной культуры в лице Г. Сковороды, Т. Костомарова, П. Кулиша, Т. Шевченко, М. Драгоманова, М. Грушевского и других, развивает пастор Объединенной методистской церкви (США) В. Кустодович в публикации «Евангелиско-реформационное движение на Западно-Украинских землях». Указанные деятели, по словам автора, «писали о необходимости возрождения человека и выступали за реформы в Православной и Греко-католической Церквях». И именно таким национальным реформационным движением, в представлении В. Кустодовича, явилось Украинское Евангельское Объединение. Деятели этого объединения «стремились к тому, чтобы Церковь между украинцами была украинской — с родным языком в церковной жизни и с демократической системой правления» [Кустодович, 1989, 750]. Всячески подчеркивается, что все «религиозные» мероприятия этой организации «имели также национальный характер» [Кустодович, 1989, 752].

Михаил Марунчак в публикации «Украинские Церкви в фазах развития украинской диаспоры» считает «большой потерей не только для Украинской Католической Церкви, но также и для целого народа» то, что более 75 % членов Православной Церкви Америки, по его мнению, — бывшие украинцы-католики или их потомки [Марунчак, 1989, 379]. Автор говорит о положительных изменениях в Православной Церкви на украинских землях после революции 1917 г. — национализации и демократизации. Можно в статье найти и весьма примечательное определение сущности националистической позиции в отношении церковной жизни. М. Марунчак пишет: «Все приведенные факторы связывали Церковь с народом, а Церковь становилась его духовной собственностью» [Марунчак, 1989, 383]. Таким образом, главная задача секулярного, чуждого истинной духовности националистического подхода к Церкви — сделать ее своей собственностью, превратить в один из идеологических инструментов. Подводя итоги, М. Марунчак утверждает, что «в истории украинских церквей (имеются в виду греко-католики, автокефалисты разных толков. — *свящ. Р. С.*) трудно провести линию, чтобы разграничить национальные факторы от религиозных». При этом развивались, по его мнению, только те церкви, «которые связывали свою жизнь с национальными традициями», а в настоящее время «сближение украинских национальных церквей — это призыв духа времени и общенациональной необходимости» [Марунчак, 1989, 389, 393].

Культурологический аспект

С особой настойчивостью тема самобытности Украинской Церкви развивается в публикациях на историософские и культурологические темы.

Протоиерей Украинской греко-православной церкви в Канаде Степан Ярмусь в своем докладе рассматривает проблему «кордоцентризма» украинской философии. Сущностью украинского кордоцентризма в социальной сфере автор считает склонность к альтруизму и романтическому индивидуализму. Именно эти черты он видит в деятельности Григория Сковороды, кириломефодиевцев, М. Грушевского, С. Петлюры и «даже наших новейших церковных автокефалистов» — «не черты социального бунта, а скорее проявления романтического идеализма, или наивного альтруизма» [Ярмусь, 1989, 404]. Более того, по мнению прот. С. Ярмуся, «кордоцентризм и далее является главной духовной основой украинской духовности, философии и даже политики». Среди отрицательных характеристик «кордоцентризма» украинцев он называет склонность к утопичности и чрезмерную эмоциональность. Истинная духовность народа, согласно автору, раскрывается в «применении Евангелия Иисуса Христа к реальной жизни народа», что в контексте его рассуждений звучит как некий вызов традиционной «церковности». Именно «кордоцентризм» дал украинскому народу «красоту души и сердца». «Не Византия дала нам нашу культуру, а дала ее нам наша кордоцентричность», — утверждает автор [Ярмусь, 1989, 411]. В контексте общего повествования прот. С. Ярмуся о том, что особенности менталитета украинцев складывались еще в дохристианскую эпоху, последнее выражение, осознанно или нет, звучит как призыв к самобытности в духовной жизни, в том числе и через разрыв с христианством в церковном его понимании. Логично при этом, что самыми главными категориями «кордоцентризма», по мнению прот. С. Ярмуся, являются категории мира и гармонии (очевидно, в смысле толерантности) [Ярмусь, 1989, 405–414]. Не миновал автор и темы кардинального отличия мировосприятия украинцев от менталитета россиян. С традиционным для писателей диаспоры огульным упрощением исторических реалий автор утверждает, что «у украинцев все делается под давлением категорий правды и сердца», а «у россиян деятельным мотивом для всего является террор страха и батога» [Ярмусь, 1989, 407].

Главная идея статьи Ивана Музычки «Значение литургии в благовествовании в Киевской Руси» развивается вокруг интерпретации так называемой «народной набожности» — комплекса обрядов, традиций, обычаев, которые исторически сложились на фоне церковной жизни народа. Этот феномен, по мнению автора, говорит о глубинной связи литургии с жизнью народа. Народные традиции дополняют церковное священнодействие и становятся «словно параллельной литургией народа». Благодаря этому «киевский обряд» отделился от византийского и со временем обособился от «московского» [Музычка, 1989, 431]. В контексте нашей темы данные выводы интересны как свидетельство попыток сакрализации народной жизни в среде украинской эмиграции, фактическое приравнение народных традиций к литургическому священнодействию. Данная мысль в той или иной форме пронизывает и другие публикации, посвященные церковному пению [Антонович, 1989], христианским мотивам в украинском фольклоре [Горняткевич, 1989], поэзии [Розумний, 1989] и проч. Очевидно, перед нами определенная идеологическая линия: показать некую «богоустановленность» национальной культуры, ее «священность», а отсюда — закрепить ее связь с церковной жизнью, так что последняя мыслится несовершенной, половинчатой без тех форм национальной жизни и быта, которые связаны с христианскими мотивами в народном творчестве.

Публикация Владимира Янива «Идеал украинского человека на основании первоисточников литературы» весьма интересна для анализа идеологического контекста украинской церковной историографии националистического направления. Во-первых, сам посыл статьи, выраженный уже в названии, говорит о стремлении «обрести» некий особый «идеал» «украинского человека», по всей видимости, в представлении

автора, отличный от идеалов общечеловеческих. По словам В. Янива, «идеал украинского человека четко уразумел первый митрополит-украинец, Иларион, в ядерном противопоставлении старого закона христианской благодати в своем знаменитом „Слове“» [Янів, 1989а, 606]. Главные характеристики этого идеала, по мнению автора, раскрываются в противопоставлении закона и благодати. Внутренние качества «украинской духовности» — это «внутреннее сердечное чувство Божьего гласа», акцент на чувственность, «мировоззрение, основанное на любви», индивидуализм [Янів, 1989а, 607]. Автор выделяет в летописях, древнерусских литературных памятниках черты идеального мира и человека в представлениях древних писателей. Но остается непонятным, почему эти, в целом универсальные, христианские черты приписываются именно идеалу «украинского» человека. За пафосом слов и высокопарностью, оказывается, стоит совсем не национальный, сугубо «украинский» идеал, но ценности, которые законно можно назвать общечеловеческими. И только лишь ситуативные манипуляции словами, идеями, цитатами из исторических источников позволяют автору добиться некоей видимости анализа особой национальной формы духовности. В результате мы получаем не картину исторической действительности, а сотканный из многих фраз и идей, встречающихся в исторических источниках, совершенно умо-зрительный объект, продукт идеологии, а не науки.

В статье «Проявления религиозности в украинской советской литературе: 1953–1988. Попытка анализа» Леонид Рудницкий предпринимает весьма интересную попытку проанализировать религиозные мотивы в украинской литературе советского периода. Выводы, к которым приходит автор, не менее примечательны. По его мнению, в украинской литературе этого периода явно прослеживается рождение и возрастание некоей «идеалистической стихии». Это своего рода духовная жажда, основанная на народном восприятии христианства, запрос на возрождение духовной традиции, и со временем он становится все сильнее. Христианский мотив, который возрождается среди полулегальной национальной интеллигенции, при этом очень тесно связан с патриотизмом [Рудницкий, 1989, 840, 843]. Данные выводы автора говорят о том, что репрессии советской власти против национальной интеллигенции способствовали тесному переплетению в умах диссидентов веры и патриотизма. Это в дальнейшем, безусловно, повлияло на восприятие исторической реальности после распада Советского Союза.

Заключение

Научный конгресс Тысячелетия Крещения Руси-Украины, согласно оценкам участников и историков, стал действительно важным явлением в научном мире украинской диаспоры. В материалах Конгресса нашли отображение все основные послы в прочтении истории Церкви на территории современной Украины, которые формировались в среде историков эмиграции. Важным аспектом опубликованных докладов была их идеологическая составляющая. Рядом с осмыслением тех или иных фактов исторического прошлого предлагались и новые оценки, идейные направления в церковной историографии. Среди последних наиболее выраженным был акцент на толерантность и признание исторических корней западной традиции в церковной истории. Призыв к преодолению конфессиональных границ ради народного блага и национальной идеи пронизывает все публикации. Авторы смещают акцент с научного анализа в сторону эмоциональных оценок и прочтения событий прошлого с точки зрения перспективы задач настоящего времени. С помощью данного методологического инструментария удается вопреки историческим фактам рассмотреть начала даже идеологии отдельных христианских сект в деятельности мыслителей и литераторов XVIII–XIX вв. Попытки нивелировать конфессиональные различия естественным образом приводят к разрыву с «церковным» измерением христианской жизни. Безусловно идеалистическое, а во многом и романтическое отношение авторов к народной жизни и национальному фактору обесценивает в их глазах сакральное

пространство Церкви. Вместо этого предлагается философское и культурологическое обоснование сакрализации народной жизни, переосмысление системы ценностей с точки зрения национальных интересов. Таким образом, в глазах авторов из украинской диаспоры Церковь превращается в «духовную собственность народа», одну из сфер реализации его «духовности».

Источники и литература

Источники

1. Акт (1989) — Акт заснування Комітету // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 865–866.
2. Правильник (1989) — Правильник Комітету Наукового Конгресу в Тисячоліття Хрищення Руси-України // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 867 — 868.

Литература

3. Антонович (1989) — *Антонович М.* Питоменності українського церковного співу // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 458–474.
4. Баран (1989) — *Баран О.* Спроба єдності Церков в католицькій перспективі // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 236–268.
5. Баран, Герус (1991) — *Баран О., Герус О.* Збірник Тисячоліття християнства в Україні 988–1988. Вінніпег, 1991. 282 с.
6. Біланюк (1989) — *Біланюк П.Б. Т.* Апостольське походження Української Церкви // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 61–73.
7. Богатюк (1989) — *Богатюк М.* Устав Володимира Великого і суспільно-економічні зносини з Церквою // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 108–135.
8. Горняткевич (1989) — *Горняткевич А.* Християнські мотиви в думках // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 475–490.
9. Домашовець (1989) — *Домашовець В.* Український Баптистський рух // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 301–333.
10. Домбровський (1989) — *Домбровський О.* Науковий конгрес у Мюнхені з нагоди 1000-ліття Хрещення України-Руси // Український історик. 1989. № 1–3. С. 65–73.
11. Дроконова (2017) — *Дроконова О.Н.* Национальная история на экспорт: украинский опыт // Вестник НВГУ. 2017. № 2. С. 91–100.
12. Жила (1989) — *Жила В.* Національно-релігійні особливості католицької полемічної літератури в Україні кінця XVI — початку XVII сторіч // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 178–207.
13. Жуковський (1989) — *Жуковський А.* Спроба єдності Церков у XVII ст. (православна перспектива) // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 208–235.
14. Жуковський (1993) — *Жуковський А.* Підсумки відзначення тисячолітнього ювілею хрещення Руси-України // Український історичний журнал. 1993. № 1. С. 140–151.
15. Калакура (2004) — *Калакура Я.С.* Українська історіографія: Курс лекцій. 2004. 496 с.

16. Косик (1989) — *Косик В.* Міжнародні взаємини України-Руси від IX до XIV ст. // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 38–60.
17. Кравченко (1989) — *Кравченко О.* Полемічна література передунійного періоду: події, проблеми, постаті (православна перспектива) // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 154–177.
18. Кустодович (1989) — *Кустодович В.* Євангельсько-Реформований рух на Західньо-Українських землях. (Матеріяли до інформації) // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 750–762.
19. Ластовський (2008) — *Ластовський В.В.* Між суспільством і державою. Православна церква в Україні наприкінці XVII — у XVIII ст. в історії та історіографії: Монографія. Киев, Фенікс: НКППКЗ, 2008. 496 с.
20. Марунчак (1989) — *Марунчак М.* Українські Церкви в розвиткових фазах української діяспори // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 364–401.
21. Музичка (1989) — *Музичка І.* Значення Літургії у благовіствуванні в Київській Русі // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 418–457.
22. Патрило, Балик (1989) — *Патрило І., Балик Б.* Християнські риси кн. Володимира Великого // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 19. С. 1–37.
23. Ричка (1991) — *Ричка В.М.* Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989 // Український історичний журнал. 1991. № 12. С. 149–151.
24. Розумний (1989) — *Розумний Я.* Від символізму до екзистенціалізму: християнські елементи в українській поезії двадцятого століття // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 491–517.
25. Рудницький (1989) — *Рудницький Л.* Вияви релігійности в українській советській літературі // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 823–847.
26. Саварин (1986) — *Саварин П.* Передмова // Хрестоматія тисячоліття хрещення Руси-України. Філядельфія; Торонто, 1986. С. 5–8.
27. Сенік (1989) — *Сенік С.* Латинізація в Українській Католицькій Церкві // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 269–287.
28. Янів (1989а) — *Янів В.* Ідеал української людини на підставі першоджерел літератури // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 606–629.
29. Янів (1989б) — *Янів В.* Наш Конгрес з нагоди Тисячоліття // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 899–909.
30. Ярмусь (1989) — *Ярмусь С.* Кордоцентризм — підстава української духовости й філософії // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988–1989. С. 402–417.